«Все мы ищем выхода — а выхода нет... Лишь осознав это, мы начинаем жить. Просто жить — и все хорошо» (Николай Железняк).

У меня есть основания читать Железняка с особым вниманием и интересом. Он родился и осознал себя в Новочеркасске, потом учился и работал в Таганроге. Места, для меня овеянные родством: в Новочеркасске состарился и умер мой казачий дед; в Таганроге после окончания МГУ три года преподавал мой отец.

Земляки...

Николай Железняк со знанием и любовью описывает этот приазовский южнорусский край. На горизонте — все окрашивая и одухотворяя — гладь Азова. Плеск волн. Трепет зелени. Ближе состав звуков иной: музыка дороги.

Ездить по железной дороге любят с детства.

...Завораживает беспрестанная смена строений, людей, огней — сплетенные в беспрерывно перерождающуюся иную, множественную жизнь...

И еще.

Вагоны: понятно, пассажирские — спальные, купейные, плацкартные, общие; почтово-багажные, похожие на пассажирские, но с меньшим числом окон, иногда и с решетками, товарные. Тех каких только нет: дощатые коричневые для различных грузов, железные для угля, других сыпучих материалов, черные цистерны для нефти, бензина, солярки, кислоты, серые морозильники цельнометаллические с буквой «М» на боку, накрытые платформы.

Нет, еще, еще.

Губерния, край, область, уезд, район, волость, паланка, стан, округ — качели административного пограничья, бесконечное деление на страны с их движением границ.

Кто, откуда, зачем стремился на эту окраину приазовской степи? От кого уезжая, убегая? Что ища: близости моря, свободной земли, воли? Словно дыханием огромного организма люди волнами отхлынывали и вновь приливали в эти места.

Что ж влекло их на этот конец суши, с вечной жизнью у рубежей, где перемещение черт через чуры (охранники духов. — Л. А.) незримо проходило по казенным картам, зримо по межам, но и по душам...

Поразительный портрет края, соединяющий в романе Железняка (а это в сущности роман) нынешний динамический статус Приазовья с древним инстинктом дороги (чем и объясняется казачья вольница, издревле царившая в этом краю).

Но не только казачий пейзаж роднит меня с земляком. Есть еще один важный аспект: чувство поколения.

Чтобы понять, откуда оно, надо вспомнить военное время.

Война определила нашу судьбу, хотя по возрасту и не мобилизовала в окопы. От предвоенных мирных лет остались счастливые детские воспоминания (хотя какие там счастливые, когда из кинозала выбегают деревенские бабки, ошалевшие от страха: прямо на них, не сворачивая, собираясь подавить, с экрана двигаются гусеничные трактора! В тридцать девятом: «Трактористы»).

Через считаные месяцы — война. Великая Отечественная. Малолетних граждан она осыпала осколками

памяти. Обрушилась пулями с фашистских самолетов. Патронами, найденными в траве (их так хорошо было бросать в костер!). И — вплоть до голода — бытовыми лишениями военных лет.

Все это и определило характер поколения спасенышей войны, к которому принадлежим и мы с Максимовым. Девяностолетний рубеж на подходе! Самая пора, обернувшись, подвести итог.

Итог вроде бы благополучный. И пожили до старости, и целы остались. Счастливцы!

В центре повествования — такой вот счастливый старик. Павел Иосифович (фамилию не привожу, чтобы не отвлекаться. Профессор университета, всю жизнь проработавший по мирной, свободно избранной специальности. До самой кончины, которая тоже описана, — такая посылается только праведникам!). Железняк складывает семейную сагу влюбленно, хотя не обходит ни эротических драм, но конфликтов общежитейского уровня. Двое сыновей у старика. Череда детских воспоминаний и прощальных сцен. Младший из братьев иногда входит в роль рассказчика. Но в центре повествования — старик Павел Иосифович. Представитель поколения спасенных детей страшного времени.

Поколение это (и мое, и Железняка, и его почти девяностолетнего героя) по сравнению с предыдущим, мобилизованным на фронт, и следующим, угодившим в кавказские разборки, я называю мирным. Благополучным.

Тем интереснее понять, что же вынесло это поколение из своей счастливой, мирной судьбы. В век Красного террора — проба счастьем? Какую исповедь впишет это поколение счастливцев в историю страны?

Так ведь уже вписано! Вписаны великие тексты и незабываемые имена. Юрий Трифонов и Василий Шукшин. Это — на старшей, отеческой кромке. А в центре либеральной вольницы — Василий Аксенов, Георгий Владимов! И в противовес вольным либералам — национально четкие патриоты. Василий Белов и Валентин Распутин.

Увы, «Лад», изваянный Беловым, не осуществился, а разлад, разделивший новую русскую прозу соперничеством либералов и патриотов, совпал с неслыханным кризисом литературной жизни: падением традиционного читательского спроса и переадресацией словесности в развлекаловку и приключенчество.

Может, счастливый жребий героев Железняка поможет уравновесить общую ситуацию? Что удастся поколению, которое избежало смертельных ударов судьбы? Что вынесет оно из своего неповрежденного, природного существа? Что — в базисе и что — в итоге?

Итог — уже в том, что на первых же страницах повествования говорит сыну Павел Иосифович:

— Время подходит. То есть уходит, и нам пора уходить. Меня вот никак не заберут… туда. Сколько еще?

Его заберут — по ходу повествования. Но что таится за этой готовностью скорее уйти?

Старик с силой зажмурился. Предельное сгущение тьмы дает вспышку света — торжество света оборачивается слепотой. Бесконечный переход света во тьму и обратно, как борьба добра и зла, где белый свет — это и Бог в белых одеждах, находящийся в ослепительном мраке, и Белый Всадник — вестник междоусобиц, лжепророчеств, чумы в кромешном свете.

Белый цвет — гармоничное сочетание всех цветов, чистота, успокоение, духовность и цвет апокалипсиса, смерти, начинающей все наново.

Что — наново? Бесконечный переход со света во тьму?

Это и есть ответ на вопрос о том, что вынашивает душа человека, предоставленная своему неискаженному естеству. Междоусобицы. Ослепляющий мрак. Апокалипсис.

Не счастливое устроение на этой Земле, а ожидание неминуемого конца света.

Это — ответ Павла Иосифовича на вопрос о его судьбе. И ответ Николая Железняка на вопрос о естестве человека. И человечества.

Откуда это катастрофическое ожидание?

Из самой природы бытия.

Каково место человека во Вселенной? Курьез в чуждом ему мире огнедышащих звезд и черных дыр или закономерное явление — эволюционировавшая в ноосферу материя? Какой информационный космический фактор обусловливает появление мыслящей материи, органа самосознания Космоса там, где его не может быть с вероятностью один на миллион?

И у вас хватит духу на миллион предположений, из которых лишь только одно может обещать результат? Результат, который зависит не от нас, а от того, зацепит ли материю ноосфера? Тут уже космический фактор.

Смерть как биологический коллапс — тот же гравитационный коллапс, сама жизнь от клетки до могилы — модель Вселенной от начального взрыва до схлопывания. И рай, и ад — не в центрах удовольствия и страдания, а в моментах агонии.

Чем больше я переживаю смерть как момент агонии, тем меньше у меня надежд понять жизнь, проскакивающую между такими моментами. Тут ни удовольствия (но это я уж как-нибудь перетерпел бы), ни страдания (а вот это не пережить: без страдания смысл бытия окончательно исчезает).

Можно почувствовать вкус и запах, увидеть свет и форму — поучить и воспринять электрические сигналы мозгом, но понять, существует ли что-либо на самом деле, невозможно.

То ли на самом деле оно существует, а мы только воображаемые «моменты», то ли мы существуем, а реальность вокруг нас воображаема... какой вариант предпочтительнее, не могу решить. Это уж будущее решит. Если наступит.

А пока — летим, куда нас несет то ли логика реальности, то ли ей отсутствие. Естество бытия!

Куда несется человечество во власти этой интеллектуальной невыносимости? Может, покинуть ему это состояние? И если все же вырваться в космос из притяжения Земли, Солнца, а с четвертой космической скоростью — из нашей Галактики и лететь, удаляясь от нашей планеты, то начнешь к ней приближаться и, в конце концов... в конце концов (если долго идти в одном направлении, не заметишь, как оно сменится на противоположное — вернешься назад, к себе), обойдя всю Вселенную, совершишь кругосветное путешествие, как корабль, единственный добравшийся в исходный порт, в вертящуюся в пустоте Землю, найти более вменяемое место пребывания?

Каким же ты вернешься назад, человечество? Изменишься ли фатально? Это будет означать твой финал. Или останешься неизменным? Это тоже ничего не предвещает, кроме конечного венца...

Мы мчимся куда-то, познавая мир, но в кольце Вселенной бесконечно возвращаемся к своим истокам, не имея возможности выйти за отведенные лимиты. Именно в этом заключается трагизм человеческого пути — в осознании конечности нашего существования. И тем не менее мы живем, зная, что ничего не поймем и не решим, и еще больше страдая от бессмысленности жизни, и продолжая жить, когда остается только стараться увеличивать сумму добра, при этом понимая, что оно все равно будет колебаться у равновесного значения со злом — как день и ночь.

Реальны ли пути в этом кружении бессмыслицы? Какие могут быть пути, если все они исхожены и обманны, а идти надо по пустой земле, да еще покрытой снегом? И как идти: поодиночке или вместе?

Подходя к этом финальному вопросу, я хочу в заключение привести обширный фрагмент из Железняка, чтобы читатель мог лучше постичь философию безбытного бытия.

Мы продолжаем жить, принимая окружающее как реальность. Не в состоянии познать материю. Вовне нас небо — не голубое, листва — не зеленая, солнце — не красное. Все, все существует только благодаря нашему восприятию. Внешнего мира нам не достигнуть и не узнать о его существовании. Искусственное возбуждение, передаваемое на рецепторы, создаст полную иллюзию существования — шумящего вокруг мира, продолжения существования, при странном прекращении — чего? жизни? И есть ли разница между сном и подлинным миром? И чем мы видим во сне, ведь наше тело полностью там воображаемо. Значит, сила, которая видит сновидения, — за пределами воображающего мозга. В самом мозгу, состоящем из плоти, молекул белка и жира, нет ничего, что способно осознать видимое изображение, создать человеческое "я". Почему отдельные атомы видят изображение, а отдельные — точно такие же — нет? Воспринимаемая иллюзия, беспрерывно создаваемая в вечности материальная вселенная, — всесущий, всеохватывающий свет, отбрасываемый на тень, — просматривается душой?

Движемся ли мы куда-нибудь? Идти по проторенным дорогам да еще строем — значит крутить уже прокрученные маршруты. Или лезть в тупик.

Да и дороги не найдешь, сплошное поле, да еще и под снегом.

Вдвоем тоже плохо: первый тратит силы, торя путь, второй тратит силы, чтобы попадать в следы первого.

Как быть?

Земляк озаглавливает свою исповедь:

«Одинокие следы на заснеженном поле».